

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ

И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Обсуждение романа Чингиза Айтматова «Плаха» состоялось на очередном рабочем заседании творческого объединения московских критиков. Оно проходило в рамках «Критического дневника». Открывая заседание, председатель объединения Владимир Гусев подчеркнул, что в критическом цехе стало традицией ставить на обсуждение спорные, острые произведения литературного процесса. «Сегодня, — сказал он, — мы обсуждаем «Плаху», сложное явление советской литературы. Критический дневник — это некая лаборатория споров, потому нет и не может быть заранее назначенных докладчиков. Заведомо расплывчатый, распланированный дневник потерял бы смысл».

Обсуждение «Плахи» вылилось в такой свободный обмен мнениями. «Литературная Россия» предоставляет слово его участникам.

личность, выломавшаяся из официальной идеологии. Она ищет свой путь.

Но герой третьей части — уже совсем не мифический, это обычный любимый герой писателя, тот же Едигей, который хочет честно жить и работать, не более того. Однако жестокий, чуждый, враждебный, но отнюдь не прекрасный, перефразируя А. Платонова, мир приходит к Бостону — не за его грехи, за чужие. Приходит трагедия, в которой он не виноват, а расплачивается — ему.

большие вопросы и нравственного порядка (наркомания), и экологические. Они поднимались и ранее, но только сейчас, когда наступило время открытости, эти темы можно было так вынести.

Айтматова упрекают в том, что он отошел от киргизской почвы: взялся за тему христианства. Но ничто в его романе не случайно, как нет и следов поспешности. Между прочим, для мусульман Христос, Иса — пророк. И места в романе, где рассказывается о нем, мне показалось, ближе к Корану.

Не случайно введены и волки, которые для тюрков — тотемные животные. И сами имена их: Акбара — «великая», Ташчайнар — «перемалывающий камни» — означают силу, уничтожающую все перед собой. У Айтматова всегда ощущения очень точны, все продумано.

Подняты большие вопросы перестройки нашей жизни, показано, как трудно она достается...

Владимир ВЕРИН, преподаватель МГУ. Мы имеем дело с феноменом «Плахи». А противоречивые суждения вокруг нее напоминают дискуссию, развернувшуюся в свое время вокруг «Калины красной» Шукшина.

В «Плахе» сочетания мифа и публицистики, художественной философии и газетного факта сцеплены в таком небывалом до сих пор единстве, которое и потрясает читателя.

Жизнь заставляет нас пересмотреть некоторые эстетические критерии. Если XIX век относился к газетному факту, к публицистике с высокомерием, то уже Достоевский повернул литературу лицом к газете, к факту.

Айтматов и отразил время в его сегодняшнем состоянии, потому что в его романе произошло это сцепление публицистизма и художественности. Показывая жизнь такой, какая она есть, ставя факт почти газетный на уровень художественного сознания, Айтматов поднимается на невероятный уровень обобщения.

Ведь что такое плаха? Я не согласен, что это распятие. Плаха — слово-символ, синонимичное понятию баррикада. Человечество находится по ту или иную сторону плахи, и эта плаха — как барьер внутри людей, внутри семьи, коллектива, общества, разделяющая и определяющая равную ответственность с той и с другой стороны.

Айтматовский роман — это жанровое переплетение литературы последних десятилетий XX века. Но чувство эстетического дискомфорта вызывает вся «пилатовская» часть.

Зоя КЕДРИНА. Меня смутило, что на обсуждении так часто употребляются эти определения: «киргизская тематика», «киргизская традиция»... Мне кажется, что роман Айтматова далеко выходит за национальные рамки. Писатель поставил общесоциальные, более того — общечеловеческие проблемы на конкретном национальном материале. Именно поэтому так заинтересованно принят роман — читатель почувствовал его общечеловеческую, во всяком случае общесоветскую направленность. Мне думается, что это не просто очередное произведение хорошего писателя Чингиза Айтматова, каждая повесть которого или роман встречаются с глубоким интересом. «Плаха» — это роман-поступок.

Хочу остановиться на линии Понтия Пилата и Христа, которую некоторые выступающие отметили как неудачу писателя. Чтобы до конца осознать необходимость ее включения в роман, надо очень внимательно читать диалог Пилата и Христа. Это же диалог о соотносимости Добра и Зла! Конечно, первая часть романа наименее спорна. И тем не менее, в эпизодах с Понтием и Христом мы видим четкую позицию писателя. Он

показал, что происходит в мире. Тамара МОТЫЛЕВА. В свое время академик Д. С. Лихачев назвал в одной статье Айтматова русским писателем. И мне кажется, что билингвизм Айтматова не сковывает его.

Никто еще здесь не ставил под сомнение психологическую достоверность Авдия из «Плахи». Сумел ли кто-нибудь из писателей национальных республик с таким пониманием, с такой симпатией нарисовать русского человека, как это сделал Айтматов? Это идет от глубокого проникновения писателя в русскую классическую традицию, в достижения мировой культуры. Нам пора задуматься над сложнейшим механизмом взаимодействия разных национальных культур в сознании одного писателя, ибо только под знаком подобного взаимодействия и могла возникнуть идея такой сложной вещи, как «Плаха». В лице своего Авдия Айтматов продолжает традицию правдоискательства, духовного подвижничества, идущего от лучших образцов классики, от русской литературы прошлого века.

Я не согласна с утверждениями, здесь звучавшими, что герои Чингиза Айтматова — жертвы рока. Они не с роком борются, не с судьбой! Они выступают против — цитирую неточно — универсальной развратной религии вооруженного превосходства. Героям романа противостоят люди вроде совхозного парторга, тоскующего по былым временам, то есть характеры, имеющие реальных прототипов, идущие от нашей действительности.

Сергей ЛОМИНАДЗЕ. Айтматов-публицист вызывает у меня чувство глубокого уважения. Вспомним его статьи, где он с трезвой размышляет над судьбами национальной культуры, национальных языков и традиций. И нас не в последнюю очередь собралось здесь внимание к «Плахе» как к явлению общественному, как к произведению писателя с устойчивой репутацией общественно активного человека. В романе, на мой взгляд, поставлены такие вопросы, к которым нам не очень свойственно обращаться на протяжении длительного времени. Как и в произведениях Распутина, Астафьева, в новом романе Айтматова особенно заметна публицистическая нота. Правда, нередко она звучит в ущерб художественности. Я бы обозначил эффект таких произведений, как «Плаха», отсутствием в журналистике, в социологии произведений, которые не являются литературой, но служат исследованиями самых острых общественных проблем — социального, экономического, политического характера. По проблеме наркомании у нас в стране полагалось бы уже иметь специальную литературу. А проблемы, так сказать, метафизического характера? У нас нет теологических работ в силу активного атеистического начала самого общества. Но у нас нет и серьезных религиозно-философских работ. И когда появляется произведение, поднимающее, затрагивающее эти проблемы, оно вызывает большой общественный интерес.

Однако тут существует опасность, так сказать, «запроблемиться»... Если коснуться христианской проблематики в романе, то меня не смущает, что Айтматов к ней обратился. Меня смущает то, что из этого получилось. Думаю, что художественность тут принесена в жертву злободневности. Читать о Пилате и Христе невозможно. Здесь роман не написан как роман. Когда мы говорим о Христе на языке газетных переводов, то, может, вообще о нем лучше не говорить? Майя ТУГУШЕВА. Я не понимаю такого вкусового отношения к роману. Нам свойственно романтическое воображение, и потому так восторженно мы приняли булгаковского Пилата. По

РОМАН — И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ

«Критический дневник»:

обсуждается роман Чингиза Айтматова

«ПЛАХА»

Владимир БОНДАРЕНКО. Самое яркое и сильное в романе — начало, сцена бойни сайгаков, когда, подобно пожару в Африке, мчатся рядом, леопард, антилопа, тигр — все рядом, потому что общая беда гонит. Здесь то же самое — сайгаки, волки — все вместе, гонит общая беда — человек. Эти сцены блестяще написаны.

В хороших традициях нашей советской литературы написана и третья часть романа, где показано противостояние двух чабанов, один из них — символ вольного хлебопашца, для которого труд — радость (вспомним Ивана Африкановича из повести В. Белова). Если и ощущается некоторый художественный перебор (отец убивает сына), здесь художник живет в своей стихии — образности.

И вдруг в романе видишь пласты материала газетного, публицистического (наркоманы, бригада забойщиков сайгаков). Здесь выступает уже вторая ипостась «Плахи», самого художника. И тогда художественность отступает. У Айтматова новоявленный Христос совершает поступки волею автора, им не веришь, нет самодвижения характера. Айтматов, как ни парадоксально для некоторых, — художник традиционный. Когда он работает в традиции — киргизской, казахской, русской, — он создает вершинное. Когда же он отказывается от традиционности — мы видим интересные публицистические высказывания, но далеко не самое удачное использование замысла.

В целом произведение интересное, но это, на мой взгляд, не лучшая вещь Чингиза Айтматова.

Александр КОГАН. Да, роман вызывает сложное, неоднозначное чувство. Но у меня осталось

неоднозначное чувство и от выступления В. Бондаренко.

Никого не оставят равнодушными и страницы первой части романа, и третьей, замыкающей. Здесь скорее не следование традициям, а переосмысление их. Я согласен с Бондаренко в том, какие линии кажутся неорганичными, мне кажется, неорганична и история с Ингой Федоровной. Не было еще у Айтматова вещи, в которой он был бы так дисгармоничен, как в этой.

Но чем дальше я от романа отхожу — орехи куда-то уходят, хотя я о них и помню, а роман продолжает во мне жить. Романом потрясены и читатели, которые утверждают: Айтматов хочет сказать, что добро — с кулаками. И те, кто говорит: Айтматов хочет сказать — не убий.

Что же нас потрясает? Что так царапает за душу в этом романе?

Думаю, что Айтматов писал все — и то, что удалось, и то, что не удалось, — по внутренней потребности. Да, он где-то спешил, он хотел скорее сказать то, чем полна его душа. Вот мы сейчас небрежно, как о само собой разумеющемся, говорим о публицистической стороне романа. Неправильно так делить его. Роман — единство временного и вечного. Но Айтматову нужна была идея. Я бы назвал его героя современным князем Мышкиным, который испытывает крушение безоружного добра. Но нельзя приписывать заблуждения героя автору.

Сегодня мы не только говорим Айтматову спасибо за то, что он одним из первых поднял в художественной литературе тему наркомании, — мы смотрим не только на факты, но на то, какая философская глубина за этим романом.

Формально он связан только историей волков. Однако почему Айтматову понадобилось сопрягать две судьбы? В первом случае перед нами проходит, говоря словами Горького, выломавшаяся

Выступления публикуются в сокращении.

Свирель

Рожденный в феврале,
когда метели
Ни всемогущества его.
Ни поклоненья человека,
От сотворенья своего
И мир не выдвигал от века —
И звезды в зыбке вышних;
И только мечт — в изломе,
Лежало в дёбрах гишинь,
Когда великое безмолвие

Октябрь опять невероятен
От этих звонких и сквозных
Переливающихся пятен —
Баряных, рдяных, золотых,
Предшущие покая
Сквозь этот обмороз и гам
И вековое, роковое
Расположение к снегам,

Высоких дум печатъ,
И в прошлом,
И в грядущем,
Что видно все
Честлюбовий,
как подросток всякий,
В искусстве
Я не мог постичь тогда...

Не к месту, не ко времени;
но были
В нем дивно согласованы тогда
Дыхание звезды и пунной пыли
С мерцанием березы у пруда.
Он был,
как я позднее догадался,
Игнантиком,
который расставался
С весенним лугом,
с глыбой синевой;
Еще звенел, еще не затерялся
Над диким полем

За окнами,
как плакальщицы пели
И белой оборачивались мглой,
Я слышала звук
единственной свирели,
Потерянно лепещий
над землей,
Он был,
как мне позднее объяснили,

В окомятый синий,
За изведенный круг,
А опоры —
Старинные
Любовь и друг.
Я с завистью смотрел
как любой мальчишка,
на ордене,
Честлюбовий,

На постое

Она в глубинах
внутренней природы,
В сомненьях и муках рождена,
Как знак самосознанья
и свободы,

Он был отдохновением
для слуха,
И, может быть,
прекраснее всего,
Когда в глубинах
творческого духа
Я узнавала гармонию его.

В окомятый синий,
За изведенный круг,
А опоры —
Старинные
Любовь и друг.
Я с завистью смотрел
как любой мальчишка,
на ордене,
Честлюбовий,

пор, как осознал себя разумным существом, а именно: почему Зло так часто побеждает Добро? И не беда автора, а достоинство, что он вновь поставил этот вопрос и попытался ответить на него и в историческом, и в современном ракурсе. И это, по моему, основная тема. И еще... Тут говорили, что Айтматов пытается осмыслить старый тезис «человек человеку — волк». А мне думается, наоборот — «волк волку — человек», как это ни покажется странным. Проблематика человечности проходит через весь роман. Трагичность современной ситуации заключается в том, что человеку труднее сохранить в себе человеческое. Гораздо труднее, чем тем же, скажем, библейским персонажам... И Айтматов, взявшись за эту неподъемную проблематику, сумел, конечно, только поставить вопрос. Но и это уже немало, если вспомнить, что именно так же

Вечерние задумчивые роши,
Спокойный свет,
Становится мы бережней
и проще
На склоне лет.
На склоне дня летят лучи,
От нас — вдали,
Мы остаемся, тихо опускаясь
На склон земли.

Александр Гусев

Свой для всех ты, как молвится,
в доску,
Да тебе, видно,
Близок не всяк.
Тонут в небе
прошальные крики,
Только слушать их —
что за нужда? —
Частье,
сколько по свету ни кликай,
В том краю, где родная звезда.

чему мы не хотим сейчас понять, что у Айтматова — не слепок с булгаковского персонажа, это совсем другой герой, выполняющий другие художественные функции? Диалог в «Плахе» между Пилатом и Иисусом — в другой, нежели у Булгакова, сфере, в другой плоскости! Он служит другим художественным задачам... Иосиф ВАЙНБЕРГ. Я согласен с многими выступавшими... Острота проблематики, которая прозвучала в романе, — не заслуга Айтматова. Недавно я слышал по радио документальную запись о работе сотрудников уголовного розыска, разоблачающих наркоманов. Другое дело, что сам замысел романа — мировой, я бы сказал, вселенский, ибо в нем ставятся основные вопросы бытия, которые человечество решает две тысячи лет. Айтматов, поставив в наше время вопрос —

Валерий ЛЕВИН, научный сотрудник. Хочу напомнить, что буквально с первых страниц романа ставится вопрос, который человек не устает себе задавать с тех